

Вклад ссыльных в распространение грамотности среди детей Екатеринбурга в 1734–1740-х годах*

Алевтина Сафронова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Contribution of Exiles to the Distribution of Literacy among the Children of Yekaterinburg in 1734–1740s

Alevtina Safronova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the contribution of exiles to teaching children living in the settlement of the Yekaterinburg plant, the largest in the mining and industrial Urals, to read and write. It was a place where the features of the new policy of Vasily Tatishchev, who became head of the factories in 1734, concerning teaching literacy to the vastest range of children possible and using exiles sent there from all over the country as teachers, were most clearly manifest. Based on the extensive use of archival documents of administrative and information character and petitions, the author characterises the peculiarities of the cadre of exiled teachers, which has never been done previously. The author reveals the reasons for the extensive recruitment of exiles and, starting from 1742, pardoned ex-exiles as teachers, reconstructs their composition, reveals their previous posts, the crimes for which they were exiled, common features characterising their vital activity, position in society, their relations among themselves and with other representatives of society, and the different levels of their material situation. Additionally, the article examines the peculiarities of the attitude of the Ural authorities toward the exiled teachers. The petitions of the exiles indicate that with them, the position of a literacy teacher enjoyed great appreciation despite the low pay. For the first time in history, the author analyses the student records

---

* *Citation*: Safronova, A. (2023). The Contribution of Exiles to the Distribution of Literacy among the Children of Yekaterinburg in 1734–1740s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 790–804. DOI 10.15826/qr.2023.3.818.

Цитирование: Сафронова А. The Contribution of Exiles to the Distribution of Literacy among the Children of Yekaterinburg in 1734–1740s // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 790–804. DOI 10.15826/qr.2023.3.818 / Сафронова А. Вклад ссыльных в распространение грамотности среди детей Екатеринбурга в 1734–1740-х годах // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 790–804. DOI10.15826/qr.2023.3.818.

of the grammar school, identifying all the cases of collective enrolment and the total number of children taught by the exiled Yekaterinburg masters, including those from the nearby factories. Also, the article introduces data about private literacy schools in Yekaterinburg opened by exiles, where they taught children for a fee as part of a contract with their parents at their homes. Based on this, the author concludes that the contribution of exiles as teachers to the development of children's literacy in Yekaterinburg deserves the highest assessment.

Keywords: Urals, Yekaterinburg, Vasily Tatishchev, exiles, literacy training, private schools

Статья посвящена раскрытию вклада ссыльных в обучение грамоте детей, проживавших в поселении Екатеринбургского завода, самом крупном на горнозаводском Урале. Здесь наиболее ярко проявились особенности новой политики В. Н. Татищева, ставшего главой заводов в 1734 г., в отношении обучения грамоте как можно более широкого круга детей и использования в качестве учителей ссыльных, направлявшихся сюда с территории всей страны. Впервые на основе широкого привлечения архивных документов распорядительного, отчетно-информационного характера, прошений характеризуются особенности кадрового состава учителей-ссыльных. Раскрываются причины широкого привлечения ссыльных, а с 1742 г. – и бывших ссыльных, получивших помилование, на должности учителей, реконструируется их состав, выясняются их предшествующие должности, преступления, за которые они были сосланы, выявляются общие черты, характеризующие их жизнедеятельность, положение в социуме, взаимоотношения между собой и с другими представителями общества, различный уровень их материального положения. Отмечаются особенности отношения уральского начальства к ссыльным-учителям. Прошения ссыльных свидетельствуют, что среди них должность учителя грамоты пользовалась большой популярностью, несмотря на низкий уровень оплаты труда. Впервые на основе анализа ведомостей об учащихся словесной школы анализируется их состав, устанавливаются все случаи коллективных приемов детей в школу и общее число детей, обученных ссыльными Екатеринбургa, в том числе и с близлежащих заводов. Впервые вводятся в научный оборот данные об открытии ссыльными частных школ грамоты в Екатеринбурге, где они обучали детей по договору с родителями у себя на дому за определенную плату. На этой основе делается убедительный вывод, что вклад учителей-ссыльных в развитие детской грамотности в Екатеринбурге заслуживает самой высокой оценки.

Ключевые слова: Урал, Екатеринбург, В. Н. Татищев, ссыльные, обучение грамоте, частные школы

В литературе вопрос об использовании ссыльных в качестве учителей горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. не привлекал внимания исследователей. Н. В. Нечаев ограничился замечанием: «Школы... довольно быстро отказались от использования местного духовенства и в качестве учителей стали назначать завод-

ских служителей или из бывших ссыльных» [Нечаев, с. 89]. В. Н. Будрин привел данные в отношении екатеринбургской школы, полагая, что обучал письму «Никита Артемьев – не ссыльный, а чтению – двое ссыльных, Арсений Иевлев и Логин Егоров, бывший игумен», посланный из Казанской губернии в 1731 г. Увеличение впоследствии числа учителей до четырех человек (без указания даты) Будрин мотивировал не только ростом числа учащихся, но и необходимостью помощи престарелому Егорову, получавшему «все время... только 12 рублей в год» [Будрин, с. 59]. Сведения В. Н. Будрина об Артемьеве «не ссыльном», назначении учителей для помощи Егорову и о неизменном размере его жалованья не соответствовали действительности, как и утверждение Н. В. Нечаева о привлечении в учителя «бывших ссыльных». Нами установлены круг ссыльных, использованных в качестве учителей грамоты в горнозаводских школах Урала в первой половине XVIII в., и время их пребывания на этой должности [Сафронова, 2014, с. 292–293, 298–305], охарактеризован состав учителей пения Екатеринбурга, раскрыт их вклад в развитие музыкальной культуры [Сафронова, 2009].

Большой интерес представляет статья Е. В. Бородиной, посвященная роли ссыльных и каторжных в формировании социального ландшафта Екатеринбурга. Автор вводит в научный оборот данные о числе ссыльных, прибывавших в Екатеринбург, отмечает, что «поток осужденных менялся. Наибольших значений он достигал в 1730 г. (141 человек), 1734 г. (136 человек) и 1736 г. (219 человек)», в то время как в другие годы присылалось по несколько человек, от трех до восьми. В Екатеринбурге ссыльные создавали семьи, им разрешалось строить свои дома, давалось освобождение от работ на этот срок и оказывалась денежная помощь в размере 2 руб. Автор называет общее число ссыльных-учителей в местной школе – 5 чел. [Бородина].

Поскольку вопрос о роли ссыльных в развитии грамотности на Урале представляет большой интерес, мы поставили целью раскрыть причины использования широкого круга ссыльных в роли учителей, реконструировать их состав, по возможности выяснить их предшествующие должности, преступления, за которые они понесли наказание, раскрыть их материальное положение, положение в обществе, выяснить их дальнейшие судьбы, и главное – попытаться раскрыть и оценить их вклад в развитие детской грамотности. При этом мы ограничиваем исследование территорией Екатеринбурга, где с 1723 г. действовал самый крупный в России металлургический завод и сформировалось самое крупное по численности жителей заводское поселение. В этом году Екатеринбургу исполняется 300 лет, и сведения об особенностях состава первых учителей нашего города, сразу же ставшего центром образования на горнозаводском Урале, приобретают особую актуальность.

Источниками для раскрытия этого вопроса послужили документы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов

(далее – Канцелярия), отложившиеся в фонде 24 «Уральское горное управление» ГАСО. Это протоколы заседаний Канцелярии, ее определения, указы начальника заводов В. Н. Татищева, доношения управителей заводских контор, прошения ссыльных, переписи детей, списки детей, подлежащих зачислению в школу, ведомости об успехах учащихся, подававшиеся в канцелярию по третям года, делопроизводительные справки и выписки об учителях-ссыльных, их сказки.

Прежде всего рассмотрим вопрос о причинах использования ссыльных в качестве учителей в школах горного ведомства в целом. В 1721–1725 гг. в словесных школах, действовавших при Уктусском, Алапаевском заводах и прилегавших к последнему слободах, учителями назначались в основном церковнослужители. С 1725 г. обучение на этих заводах пресеклось, стала действовать лишь одна словесная школа в Екатеринбурге, пополнявшаяся время от времени детьми с Уктусского, Алапаевского, Каменского заводов, для обучения которых вполне хватало одного учителя [см: Сафронова, 2000, с. 24–33].

Прибывший в Екатеринбург в качестве начальника заводов В. Н. Татищев уже в первом доношении в центр, отправленном 9 октября 1734 г., на следующий день после принятия команды от генерала В. И. Геннина сообщил Кабинету министров: «А ныне я велел по-прежнему при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27]. Казенных заводов действовало уже 12, начинали строиться новые. 21 октября 1734 г. члены Канцелярии приняли определение о проведении переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских, однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских... от шести лет и выше». 19 мая 1735 г. Татищев принял личное решение: «на все заводы послать указы, чтоб по прежним определениям конечно школы устроить и детей учить читать и писать в июне месяце начали» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112 об.; Оп. 1. Д. 624. Л. 786].

С 1735 г. дополнительно к Екатеринбургской открываются словесные школы при заводах Егошихинском (март), Лялинском и в городе Кунгуре (апрель), Уктусском (май), Алапаевском (июнь), Каменском и Пыскорском (август), Сысертском (ноябрь), Полевском (декабрь); при Верх-Исетском (сентябрь 1736), Кушвинском (февраль 1739), Северском (июнь 1742) [Сафронова, 2014, с. 286–287].

На некоторых предприятиях школы не были открыты из-за малого числа детей, но их забирали в действовавшие поблизости: с Северского – на Полевской, с Снячихинского и Сусанского – на Алапаевский завод, с Висимского – на Пыскорский, с Юговского – на Егошихинский, с Северского, до ее открытия, на Полевской. В Екатеринбургской школе в 1734–1735 гг. обучали детей с двух Уктусских заводов, Верх-Исетского, Алапаевского. Фактически уральское начальство во главе с Татищевым в 1735 г. провозгласило политику обязательного обучения детей заводских жителей. В результате проведения переписей детей, постоянных дополнительных наборов за порогом школ

оставались лишь дети больные (со слабым слухом, зрением и т.п.) и переростки, не взятые в предшествующие годы для обучения.

В связи с открытием одной за другой словесных школ пришлось решать проблему подбора учителей для них, а грамотные люди на Урале, вдали от городских центров, были на особом счету. И структурные подразделения Канцелярии, и горные начальства, и многочисленные конторы заводов продолжали испытывать острую потребность в канцелярских служащих, в них нуждались и конторы строящихся заводов. Поэтому неудивительно, что, обсуждая вопрос об открытии школ трижды – 27 мая, 23 октября и 3 ноября 1735 г., – члены Канцелярии во главе с В. Н. Татищевым принимали решения об определении учителями, «за недостатком свободных, хотя из ссыльных, токмо не раскольников» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л.70; Д. 577^а. Л. 157; Оп. 12. Д. 226. Л. 11].

Первое назначение ссыльного в школу состоялось еще до принятия этих решений, 25 ноября 1734 г. в связи со срочным отзывом учителя к заводским делам приказывалось: «у обучения робят словесному бытъ, до разсмотрения и пока к тому достойной сыщется, ис присланных в сылку без наказания Федору Корноушенку» с жалованьем 15 руб. в год [Там же. Оп. 12. Д. 215. Л. 300 об.], то есть первое использование ссыльного предполагалось как временное до появления более достойного кандидата. Справки Конторы судных и земских дел гласили, что он прибыл в Екатеринбург с партией ссыльных при промемории Сибирской губернской канцелярии в феврале 1734 г. без указания вины, «ноздри целы, кнутом не бит», то есть совершенное им преступление не было тяжким.

Чтобы оценить вклад Корноушенкова в обучение детей, попытаемся установить их состав. В июне 1734 г. у Ярцева числилось 65 детей, они и перешли к новому учителю [Там же. Оп. 1. Д. 450. Л. 213–214]. В мае 1735 г. по требованию начальства Корноушенков подал список учившихся у него детей с близлежащих заводов в связи с предстоящим открытием школ при них: с 1734 г. – 9 чел. с Уктусского нижнего, 4 – с верхнего, 9 – с Верх-Исетского; в марте 1735 г. с ВИЗа прислали еще 13 детей мастеровых [Там же. Д. 577^а. Л. 140 об., 95–97 об.]. В ведомости Екатеринбургской школы за первую треть 1735 г. числилось 97 учеников, из них четверых в мае перевели на Алапаевский завод, где открывалась своя школа [Там же. Л. 190–192]. По нашим подсчетам, через Корноушенкова, пока он обучал грамоте (ноябрь 1734 – октябрь 1735 г.), прошло более 100 детей, при этом 39 – с четырех других заводов.

Отметим уникальный факт, до сих пор не получивший отражения в научной литературе: в 1735 г. решено было зачислить в школу и детей ссыльных. Полицмейстер Екатеринбурга Алексей Зубов 1 октября 1735 г. подал в Канцелярию списки детей, составленные старостой ссыльных Иваном Суровцевым и осужденным в вечную заводскую работу десятником Матфеем Федотовым, то есть обе категории осужденных имели свое «начальство». У первых из 10 детей

4 были в возрасте 8, 9 и 13 лет, у осужденных в вечную работу из 12 детей трое 9–12 лет. 6 октября 1735 г. члены Канцелярии предписали: «ссыльных детей, кои ныне годны, взять в школу; кои еще по летам к тому не пришли... быть при отцах, когда же придут в указные лета, по тому ж взять в школу» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577^а. Л. 229–230 об.].

22 октября 1735 г. была завершена перепись юных жителей Екатеринбургa. «Роспись ис переписи 1733 года июня дня Екатеринбургских жителей детям для набору оных в школу и по переписи ж сего 735 года, какова подана из заводцкой в Кантору судных и земских дел», учла 217 чел., из них, по нашим подсчетам, 178 детей в возрасте 6–15 лет. Заодно в нее были включены и молодые люди, вероятно, не определенные к делам, 16–22 лет [Там же. Л. 216–222 об.].

3 ноября 1735 г. Татищев «с товарищи», заслушав итоги переписи, приняли ряд важных решений. Дополнительно к словесной и арифметической школам в Екатеринбургe открывались школы немецкая, латинская, знаменования (рисования), пения, назначались их учителя. В связи с предстоящим большим пополнением словесной школы впервые в нее вместо одного назначалось четыре учителя, и все из ссыльных: для обучения чтению – Арсений Иевлев и бывший игумен Логин Егоров, письму – Никита Артемьев, пению – Федор Корноушенков, ранее обучавший грамоте. Всем им назначался оклад по 18 руб. в год на уровне копииста. В немецкую школу полагалось определить учеников из словесной школы, что «понадежнее», в латинскую направить детей духовенства [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 11–13].

Игнатию Юдину, назначенному от имени уральского начальства отвечать за деятельность школ, 5 ноября 1735 г. на поданную им роспись приказывалось «малолетных всех по силе определения 3 ноября 1735 г. обучать русской грамоте». Согласно реестру, в ноябре было зачислено сразу же 116 чел. [Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 154–159]. Это был самый большой прием детей за всю историю школ горного ведомства в течение XVIII в. Роспись с указанием возраста и должности отцов позволяет утверждать, что в основном были зачислены «малолеты»: один – 5 лет, 6-леток – 25, 7 лет – 34, 8 лет – 19, 9 лет – 14 чел. и т.д. Подростков 14–15 лет не взяли, видимо, из-за большой партии новичков, а на других заводах зачисляли. Социальный состав принятых был самый демократический: в основном дети мастеров, подмастерьев, заводских работников (87 чел.); большая группа детей солдат (25), дети бывшего комиссара, подпрапорщика, канонира; канцеляристов (3), «разночинцев» (сын и внук сына боярского, дети рассыльщика, «заплечного мастера», четырех целовальников). Среди 116 зачисленных выделены те, что «собой явились»: 5 «мастерских», в том числе один 5 лет, двое детей солдат и сын целовальника.

В ведомости за третью треть 1735 г. числятся 209 учеников, среди них 14, принятых в мае; 126, а не 116, зачисленных в ноябре, и еще 14, принятых в декабре 1735 г. Вдумаемся, трое ссыльных в Екатеринбургe обучали грамоте более 200 чел.! При этом в 1735–1736 гг. некото-

рых детей перевели учиться по месту их жительства в открывшиеся словесные школы при Уктусском и Верх-Исетском заводах. Завершив обучение письму начальство переводило в арифметическую школу и действовавшие с ноября 1735 г. школы немецкую, латинскую и знаменованную. Таким образом, завершая обучение детей грамоте, ссыльные тем самым обеспечивали пополнение школ Екатеринбургa и более высокой ступени.

При этом со стороны уральского начальства к учителям-ссылным сквозило недоверительное отношение: учителя школ сами составляли ведомости об учениках, подали и Артемьев с Егоровым за третью треть 1735 г., но начальство приказало «освидетельствовать» Юдину», «во всем ли исправно сочинен», «а учителям оным впредь не токмо в Канцелярию Главного правления какие ведомости за своими руками подавать, но и словесно... не докладывать» мимо Юдина и его помощников, и это стало правилом для всех учителей. Со стороны надзирателя школ механика Никиты Бахорева ссыльным приходилось терпеть открыто недоброжелательное отношение, передававшееся от него и ученикам, и их родителям. В июле 1736 г. Бахорев подал в Канцелярию жалобу на учителей математики и знаменования, а в ходе разбирательства учитель арифметики Федор Санников поведал о недостойных поступках самого Бахорева – дворянина, выпускника Морской академии, учившегося в Швеции в 1724–1727 гг. Оказалось, что, помимо жестоких наказаний своих учеников механики, Бахорев позволял себе пренебрежительно относиться к учителям словесной школы из-за их более низкого положения в обществе:

...Приказывает ученикам, что ежели де вас учителя будут сечь лозами, то жалуйтесь мне. И ныне ученики учителя не опасаются, что им задано будет, не обучают, а наказание он учеником чинит, кроме учителей. А учителей пред учениками бьет, бранит всякою матерною бранью и называет канальями. И такой непорядок в словесной школе учинил, что тех учеников отцы, приходя в школу, учителей бранят матерно, угрожая им Бахоревым [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 419–420].

Санников ставит вопрос о необходимости воспитания в учениках уважения к учителю:

...Во училище не токмо мужику, но и ему, Бахореву, надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость... Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит [Там же].

Ясно, что такое отношение Бахорева к учителям-ссылным не разделяли учителя более высоких «наук», и ссыльные встречали с их стороны сочувствие и поддержку.

Санников дал эти показания в Канцелярии 26 июля 1736 г., а ранним утром один из словесников, осужденный навечно, Арсений Иевлев, совершил побег. Причины его были связаны с боязнью наказания за ошибку, допущенную им в «росписи» к выдаче жалованья ученикам: одного ученика немецкой школы он показал как присутствовавшего на занятиях с 9 февраля до 1 мая, а тот был отпущен домой с 25 апреля до 3 мая, в срок не явился – о его отпуске из немецкой школы сведений не подали. Деньги за отсутствовавшего принял его брат копиист. Иевлев совершил побег в день вынесения себе приговора, а он был таким: «за ложное репортование учинить наказание плетью, дабы, на то смотря, как он, так и другие в делах, порученных им, поступали осмотрительно» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 332–334 об.]. На наш взгляд, наказание плетью было слишком жестоким, в отношении несыльного его не применили бы, к тому же о проступке учителя немецкой школы даже не поставили на вид.

В связи с побегом Иевлева мы получаем дополнительную информацию о ссыльных Екатеринбургa, их жилищах, взаимоотношениях. Объявили о побеге в Канцелярии Никита Артемьев и Логин Егоров 28 июля: за два дня до этого Иевлев, придя в седьмом часу утра в школу, сообщил, «что де имеет у себя болезнь, а какую, не сказал». На следующий день Артемьев пошел проведать товарища «на квартиру, где он стоял, за город вниз по Исете реке, в дом к ссыльному Макарию Судакову», но не застал больного. 28 июля в школу явился ссыльный же, распоп Корнилий, передал, что приходил к нему Судовиков, о побеге Иевлева «тужит вельми» [Там же. Л. 431]. Видно, что ссыльные поддерживали между собой тесные контакты.

Большой интерес вызывает сказка Судовикова, у которого Иевлев квартировал с сентября 1735 г. «без всякой платы» и был у хозяина на поруках. Судовикову было 70 лет, он был родом из Переяславля-Залесского. Был попом в вотчине помещиков Савеловых, съехал в Богословскую пустынь, принял постриг, как монах провел там шесть лет, был взят в Розыскной приказ в Москву по делу «о битии брата своего» попа Ивана Дорофеева, лишен духовного чина, пытан огнем, бит кнутом. Сослан в Тобольск, оттуда – в Екатеринбург, от работ уволен. «Живет в своем доме, учит вольных екатеринбурхских жителей детей их словесной грамоте по договору родителей их из найму» [Там же. Л. 431 об. –432 об.].

Так неожиданно мы получаем данные о существовании в Екатеринбурге школы грамоты, действовавшей параллельно с заводской в доме ссыльного. Частная деятельность по обучению детей для властей интереса не представляла, поэтому не учитывалась, и этот факт, случайно зафиксированный документально, приобретает для нас особую ценность. Ясно, что ссыльные, освобожденные по возрасту или болезни от работ, могли при наличии навыков письма беспрепятственно открывать свои школы, заключать договоры с родителями, зарабатывая себе на жизнь, и таким образом вносили свой вклад

в распространение детской грамотности в Екатеринбурге. Обратим внимание: даже при действующей школе с бесплатным обучением, где дети пользовались казенными учебниками, получали еще и жалованье (по 3 руб. в год, если отцы получали менее 25 руб.), часть родителей предпочитали обучать детей в частной школе за определенную плату и не гнушались при этом личностью ссыльного. Возможно, их привлекали меньшее число учеников, надежда на большее внимание к ребенку со стороны учителя и, отсюда, более быстрое овладение чтением и письмом.

Сказки учителей свидетельствуют о большом имущественном расхождении среди ссыльных: если Судовиков и Артемьев сумели построить собственные дома, то Иевлев, по сути, нищенствовал. Судовиков сообщал: «А пожитку да и посуды ево, Арсения, у него на квартире, кроме одного войлока овечьей шерсти, и тот ветхой, иного ничего не имеетца». Поруки за него дали пятеро ссыльных, а из-за побега их обязали внести в казну 50 руб., для зарабатывания которых отдали «в катаржную» с предписанием – во время работ «быть скованным под караулом» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 431 об. –432 об., 435]. Мы видим, что ссыльные имели дружеские контакты между собой, делились жильем, ругались за своего собрата по несчастью, а Иевлев обманул их доверие.

Сведения о судьбе беглого Иевлева и его прошлом находим в указе Генерал-берг-директориума, поступившем в Канцелярию 18 апреля 1737 г. В нем кратко излагается указ, полученный из Синода: при Синодальной канцелярии содержится бывший в Тобольской епархии провинциал-инквизитор иеродиакон Арсений, он «за некоторыя показанныя от него важности бит кнутом и сослан был в вечную работу на Екатеринбургские заводы, скованой в кандалы, и велено там содержать по смерть во оковах... освобожден был при той работе на поруки», бежал в столицу «ради прошения о свободе с тех заводов от работы и пойман был в тот Синод 8 ноября». Директориум отослал Иевлева в Санкт-Петербургскую воеводскую канцелярию для отправки в Оренбург [Там же. Д. 692. Л. 462].

Побег Иевлева вызвал у ссыльных большой интерес к освободившейся должности. В июле – августе 1736 г. последовал целый поток прошений об определении учителем, сопровождавшийся наведением справок об их авторах. 30 июля просил о должности распоп Иван Иванов, присланный из Тобольска в 1731 г., за которым числился ряд ложных доносов и наказаний за них. Иванов сообщал: «[я] словесному учению и знаменному нотному пению умеющей», с лета 1734 г. «живу праздно и помираю голодом, токмо питаюся мирским подаянием» [Там же. Д. 624. Л. 298–298 об.].

Другой распоп, Семен Иванов, присланный в апреле из Пензенской провинции «за сказывание им за собою Е. и.в. секретного дела», битый кнутом, определенный «в вечную в работу», 5 августа сообщал, что в июле взят к письму в ревизию счетов прошлых лет,

но имеет охоту учить чтению, письму и пению, к тому же «и летами еще в старость глубочайшую не пришел» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 299, 301 об.]. Через день последовала просьба от Степана Баранова, за которым тянулся длинный список преступлений, совершенных в 1723, 1728, 1729, 1734 гг.: изготовление «воровских» паспортов, дача взяток, ложных показаний и т.п. Начальство, заслушав выписки, приказало: распопов Ивановых освидетельствовать Юдину «с товарищи», «подать удостоверение», то есть подтвердить соответствие должности, а Баранову «для многих ево продерзостей быть по-прежнему в работе». Просьбы Ивановых были удовлетворены: 21 августа 1736 г. Семен был назначен учителем вместо Иевлева в Екатеринбурге, Иван – в открываемую на Верх-Исетском заводе словесную школу [Там же. Л. 302, 304 об.].

В этот же день, 21 августа, подал доношение и распоп Иван Прокопьев. Он сообщал:

...Обретаюсь при Екатеринбурхе в письме в разных канторах, а напред сего до показанной присылке в доме своем я... обучал малолетних детей словесной грамоте, тако ж и у малолетних, ежели у кого часословы и псалтири побьютца... те побитые листы, выдранные речи, тако ж и целые листы полууставом подписывал.

Он обосновывал двойную пользу своей кандидатуры: «понеже я, будучи при том обучении, часословы и псалтири подранные полууставом буду подписывать». Судя по выпискам, Прокопьев был прислан в марте 1734 г. «за написание покормежного воровского письма беглым крестьяном и в подписке под руки, которой послан был Военной коллегии в кантору для написания в службу и в той канторе не принят... за подозрением», бит кнутом и определен в вечную работу [Там же. Л. 512 об. – 515 об.].

Через неделю последовало доношение бывшего попа Ивана Лукина, который сообщал, что прибыл в ссылку из Москвы, находится в заводской работе, «а ныне из нашей братии определяютца по заводам в словесные школы в учителя, а я... по обыкности прежняго своего поповского чина ко обучению детей словесному чтению, и письма, и пению охоту имею немалую и оное дело снести могу». Лукин прибыл в Екатеринбург в апреле 1736 г., в реестре показан Владимирского уезда «вотчины Троице-Сергиева приписного киржацкого монастыря села Ваганова» без указания вины [Там же. Л. 513, 515 об.].

Следом за Лукиным просил определить его в школу ссыльный Иван Максимов: «обретаюсь здесь за старостию не у дела, только обучаю здешних обывателей вольных словесной грамоте и писать по договору родителей их». В выписке о Максимове показано: прислан из Тобольска в августе 1731 г., бывший подканцелярист, осужден «за вынос из коллегии вершенных и не вершенных 57 дел и за держание при себе неведомо для чего». Ноздри вырваны [Там же. Л. 514–514 об.].

Так мы узнаем о наличии еще одной частной школы в Екатеринбурге, действовавшей одновременно с официальной заводской и частной школой ссыльного Судовикова. Ясно, что Максимов, как и Судовиков, был уже пожилым немощным человеком, негодным в работу, но сумел найти родителей, пожелавших обучать детей за плату. Лукина в сентябре отослала учителем в Полевскую школу вместо скончавшегося учителя-дьячка с обязательством быть у пения в церкви во время службы [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 516].

В Екатеринбурге у Никиты Артемьева, Логина Егорова и Семена Иванова в первой трети 1737 г. числилось 193 ученика, поделенных на три класса по 63, 25 и 105 учеников соответственно. Мы не знаем, как они делились между учителями. Известно лишь, что Артемьев «специализировался» на обучении письму, а двое других обучали чтению и письму одновременно, а не последовательно согласно новой методике, введенной Татищевым в ноябре 1736 г. «Учреждением, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» [Татищев, с. 238–239]. Во второй трети 1737 г. в классах было по 70, 26 и 90 учеников, но с сентября – всего два класса по 90 и 79 учеников, при этом из первого класса 20 чел. были переведены «учиться арифметике» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 694. Л. 1–24, 96–121, 206–229]. Пополнение школы продолжалось, в сводной ведомости учащихся за 1737 г. числилось, по нашим подсчетам, 36 детей, поступивших учиться в 1736 г., и 53 – в 1737-м [Там же. Д. 602. Л. 1–52 об.].

В январе 1738 г. Казначейская контора обнаружила большой перерасход сумм, полагавшихся на школы заводскими штатами 1735 г., – почти в два раза. Поэтому начальство 21 февраля решило на время прекратить выплату жалованья ученикам и учителям, кроме иностранцев. В. Н. Татищев указом от 11 июня 1738 г. предписал ввести нормы нового штата 1737 г., сокращавшего жалованье учителям грамоты с 18 до 12 руб. в год, и ссыльные большинства школ стали получать оклад меньше юного копииста [Там же. Д. 762. Л. 196]. В 1738 и 1739 гг. пресеклись массовые наборы детей в словесную школу: в 1738 г. было принято всего 5 чел., в 1739 – 9. Только в мае 1740 г. состоялся массовый набор 29 детей, и еще 10 были приняты в разные месяцы года, причем более половины из них – в возрасте 6–7 лет [Там же. Д. 756. Л. 10–50; Д. 857. Л. 6, 8–8 об., 29 об.– 32 об.]. По нашим подсчетам, учителя-ссыльные Екатеринбургской словесной школы за шесть лет с осени 1734 по 1740 г. обучали грамоте около 400 детей, точнее, 384 ребенка и подростка, поступивших в школу за этот период.

При низком жалованье, при большом числе учеников в классах, продвигавшихся в овладении грамотой индивидуально, интенсивность учительского труда была высокой. Занятия в школах согласно «Учреждению» Татищева с апреля по август длились с 6 часов утра до 6 часов вечера (перерыв – с 10.00 до 14.00), в сентябре и марте – до обеда четыре часа, после обеда три часа; с октября по февраль –

с 8.00 до 15.00 (перерыв – с 11.00 до 12.00) [Татищев, с. 237–238]. Все классы размещались в одной школьной светлице.

В феврале 1738 г. указом Татищева предписывалось открыть школу на Нерчинском заводе и послать туда учителя грамоты из ссыльных же. В апреле Бахорев представил Никиту Артемьева [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 120, 135]. Но Артемьева в Нерчинск не отправили. Он проработал в школе шесть лет, осенью 1741 г. «явился по некоторому делу в немалом преступлении», и 5 ноября на его место был определен учитель школы Каменского завода разночинец Иван Протодияконов, который сам просил о переводе в Екатеринбург, где имел много «свойственников», способных оказать материальную поддержку [Там же. Д. 907. Л. 389–390]. В Каменск вместо Протодияконова был отправлен Логин Егоров. Но рокировка завершилась быстро. Уже в марте 1742 г. Протодияконов сообщал начальству: «Волею Божиею стал я... стар, драхл и глух, к тому ж и мало вижу, и затем при обучении в школе более быть не могу», – и просил отпустить его в столицу к сыну, протоколисту Генерал-берг-директориума [Там же. Д. 952. Л. 78]. Логин же Егоров в связи с закрытием школы в Каменске в октябре 1742 г. был возвращен в Екатеринбург, где продолжил обучение детей вдвоем с Семеном Ивановым.

В связи с решением начальства от 11 сентября 1742 г. закрыть школы при восьми заводах из-за перерасхода штатных сумм, принимать с жалованьем лишь сирот, детей отставных от дел, солдат и разночинцев, прочих – лишь на содержании отцов по их желанию Екатеринбургская словесная школа снова, как и в 1725–1735 гг., стала центром обучения детей с Уктусского, Верх-Исетского, Каменского, Сысертского заводов. В 1744 г. в ней числилось 109 учеников, в том числе 44 обучавшихся «по воле отцов» без жалованья [Там же. Д. 1039. Л. 287–290 об.]. В связи с этим учителя-ссыльные с конца 1742 г. стали обучать грамоте детей, проживавших, помимо Екатеринбурга, еще в четырех заводских поселениях.

Семен Иванов, сменивший Иевлева в августе 1736 г., по именному указу от 15 декабря 1741 г. был освобожден из ссылки, но пожелал остаться при школе до получения известия в отношении жены. В августе 1745 г. указ Берг-коллегии о жене был получен, сборы Иванова затянулись, в июне 1746 г. он получил жалованье за январь и февраль, то есть проработал в школе до марта 1746 г., почти десять лет, с 1742 г. – уже как бывший ссыльный [Там же. Д. 1128. Л. 68 об.].

В связи с предстоящим отъездом Иванова в октябре 1745 г. начальство начало выяснять, «нет ли способных к тому отставных ремесленников... или хотя из сыльных, которые изсылки уволены, а жить позволено по желанию их здесь». «Свободных», умеющих читать и писать, оказалось четверо: отставные от дел двое подьячих, заводской работник и бывший ссыльный Никита Афанасьев, которому позволено было жить в Екатеринбурге [Там же. Л. 60–61]. Афанасьев проработал в школе Уктусского завода с 1735 по 1742 г., был сослан

«за многие ево продерзостные поступки, и за пьянство, и за блудодеяние с некакими женками, как он был в монашестве в Новогородской епархи[и] Бежецкого Николаевского Антоньева монастыря инквизитером, а с каким наказанием или без наказания... не показано» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577^а. Л. 159–159 об.]. По нашим подсчетам, в 1735–1742 гг. ссыльный Афанасьев, бывший иеромонах, обучил грамоте на Уктусе 70 детей.

Как уже освободившийся из ссылки Афанасьев стал выдвигать свои условия: «у обучения детей одной половины школы быть здесь желает» за 18 руб. в год, «а если и письму всю школу обучать», то с жалованьем 24 руб., «а меньше того жалованья у оных наук быть не желает». При этом он просил позволения «имеющихся ныне у него дватцать пять человек во обучении вольных детей ему доучить в той же школе, где определен будет». 25 февраля 1746 г. Афанасьев был назначен «с начала марта... обучать словесному половину учеников, а писать, кто приспелет, всех»; пению – «всех ему доучить, ибо он в том искусство имеет», жалованье ему было установлено 18 руб. в год – на 6 руб. выше нормы. Ему разрешили доучить в школе и 25 вольных детей «собственными книгами, а казенных к тому не употреблять, и впредь вольных без доклада Канцелярии... не принимать» [Там же. Д. 1128. Л. 61 об. –63]. Таким образом, мы получаем достоверные данные о существовании в Екатеринбурге в 1740-е гг. еще одной, третьей по счету частной школы. Впечатляет число учащихся в ней – 25 чел.!

Более двух лет Афанасьев трудился учителем, в октябре 1748 г. тяжело заболел и через неделю скончался в госпитале. Составленное им завещание свидетельствует о скудости его бытия, несмотря на повышенное жалованье и подработку частным обучением. Он оставил после себя 1 руб. долга секретарю Канцелярии, шубу, крытую полотном, кафтан и сапоги; просил возместить долг из заработанного жалованья, а оставшиеся деньги использовать на помин души; вещи отдать отставному мастеру Дурову, у которого, видимо, квартировал [Там же. Л. 19–20 об.].

Место Афанасьева пожелал занять отставной копиист Екатеринбургской конторы ревизии счетов Андрей Семенов, но, не проработав и четырех месяцев, он тоже скончался в мае 1749 г. В августе на его место попросил назначения находившийся в отставке с 1744 г. подьячий Иван Ащерин [Сафронова, 2014, с. 331–332]. Таким образом, практика назначения учителей-ссыльных и бывших ссыльных окончательно пресеклась. Продолжал занимать свою должность лишь бывший игумен Логин Егоров, трудившийся в Екатеринбургской школе и во второй половине XVIII в., в общей сложности более 30 лет.

Подведем итоги. Учителями грамоты в Екатеринбурге с 1734 г. назначались исключительно ссыльные, это были бывшие попы, игумены, монахи, в том числе и приговоренные к вечной работе, а с 1742 г. – и бывшие ссыльные, пожелавшие остаться на Урале. Именно ссыльные внесли основной вклад в распространение дет-

ской грамотности в Екатеринбурге в 1734–1740-х гг. Благодаря их усилиям было обучено чтению и письму несколько сотен детей Екатеринбурга, до полусотни детей двух Уктусских заводов, Верх-Исетского и Алапаевского до открытия там своих школ с конца 1742 г. Здесь стали обучать детей, присылаемых с Уктусского, Верх-Исетского, Каменского и Сысертского заводов. Столь большого количества обучаемых грамоте детей больше не наблюдалось в Екатеринбурге на протяжении XVIII в., несмотря на официальное преобразование заводского поселения в 1781 г. в город и значительный рост численности его населения.

Благодаря политике В. Н. Татищева и труду ссыльных удалось совершить качественный рывок в расширении круга детей заводских жителей, овладевших чтением и письмом, добиться почти 100 % охвата этих детей обучением в 1735–1742 гг., за исключением больных и переростков. Путем проведения постоянных пополнений школы выросло молодое поколение, осознавшее преимущества овладения грамотностью как своеобразного социального лифта, способного обеспечить им более широкие возможности жизни в социуме. Овладевшие грамотой ученики переводились в школы более высокой ступени: арифметическую, немецкую, латинскую, знаменованную. И в появлении этой возможности продолжения образования можно усмотреть заслугу учителей-ссыльных. Необходимо учитывать и вклад ссыльных, уволенных от дел по старости, открывавших свои частные школы, где они обучали детей грамоте за плату.

В связи с перерасходом штатных сумм, выделяемых на школы, с конца 1742 г. был взят курс на сужение сети школ и учащихся в них. К этому времени завершилась и практика привлечения ссыльных в качестве учителей, на смену им пришли пожилые бывшие ссыльные и получившие отставку от дел по глубокой старости бывшие канцелярские служащие.

Библиографические ссылки

Бородина Е. В. Каторжные и ссыльные в Екатеринбурге в 1723 – конце 1730-х гг.: к вопросу о формировании социального пространства города // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 14–26. DOI 10.25136/2409-868X.2020.11.34382.

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск: [Б. и.], 1950. С. 45–98.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450, 577а, 602, 624, 692, 694, 756, 760, 762, 857, 907, 952, 1039, 1128; Оп. 2. Д. 215, 226.

Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М.: Гудок, 1944. 120 с.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133.

Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 144 с.

Сафронова А. М. Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735–1740-е) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 51–68.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 334 с.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750. М. : Наука, 1990. 440 с.

References

Borodina, E. V. (2020). Katorzhnye i ssyl'nye v Ekaterinburge v 1723 – kontse 1730-kh gg.: k voprosu o formirovanii sotsial'nogo prostranstva goroda [Convicts and Exiles in Yekaterinburg in 1723 – Late 1730s: On the Formation of the City's Social Space]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 14–26. DOI 10.25136/2409-868X.2020.11.34382.

Budrin, V. N. (1950). Gornozavodskie shkoly Urala v XVIII i v nachale XIX v. [Mining Schools of the Urals in the 18th and Early 19th Centuries]. In *Materialy vtoroi nauchnoi konferentsii po istorii Ekaterinburga – Sverdlovsk*. Sverdlovsk, S. n., pp. 45–98.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 450, 577a, 602, 624, 692, 694, 756, 760, 762, 857, 907, 952, 1039, 1128; List 2. Dos. 215, 226.

Nechaev, N. V. (1944). *Shkoly pri gornykh zavodakh Urala v pervoi polovine 18-go stoletiya. K istorii professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [Schools at the Ural Mining Plants in the First Half of the 18th Century. On the History of Vocational Education in Russia]. Moscow, Gudok. 120 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 248. List 17. Dos. 1133.

Safronova, A. M. (2000). *Pervye shkoly Ekaterinburga (1724–1734). K 275-letiyu osnovaniya* [The First Schools of Yekaterinburg (1724–1734). For the 275th Anniversary of the Foundation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 144 p.

Safronova, A. M. (2009). Pervaya shkola peniya na gornozavodskom Urale i ee knizhnoe sobranie (1735–1740-e) [The First School of Singing in the Ural Mountains and Its Book Collection (1735–1740s)]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov*. Iss. 10. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 51–68.

Safronova, A. M. (2014). *Dokumenty organov upravleniya promyshlennost'yu Rossii kak istochnik o gornozavodskikh shkolakh Urala pervoi poloviny XVIII v.* [Documents of Russian Industrial Governing Bodies as a Source on Mining Schools in the Urals in the First Half of the 18th Century]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 334 p.

Tatishchev, V. N. (1990). *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow, Nauka. 440 p.

The article was submitted on 27.01.2023